

З. Г. САМОДУРОВА

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАЩИХСЯ ВИЗАНТИИ VII—XII вв.

История образования в Византии постоянно привлекала внимание ученых. Как в специальных монографиях, так и в обобщающих трудах затрагивались самые различные аспекты ее. Исследователи стремились выяснить уровень образованности и степень распространения грамотности в византийском обществе, роль церкви и государства в деле создания учебных учреждений, охарактеризовать их типы, систему обучения в них, отношение различных слоев населения к знанию и ряд других вопросов. А. П. Рудаков¹ и Ф. Фукс², Д. М. Хассей³ и Г. Хунгер⁴, Р. Браунинг⁵ и П. Лемерль⁶, А. П. Каждан⁷ и Г. Г. Литаврин⁸, Э. Моффэтт⁹ и Я. Н. Любарский¹⁰, Н. Г. Вильсон¹¹ и другие историки-византинисты отмечали доступность приобретения образования, довольно широкое распространение грамотности среди жителей империи, особенно в городах, благожелательное отношение к знанию в византийском обществе, высокий уровень образованности интеллигенции. Ими было доказано, что Византия была самой читающей страной мира своего времени, оставившей громадное литературное наследство, в значительной части еще неизданное. Однако, несмотря на то, что историческая наука сделала довольно много для изучения истории образования в Византии, отдельные аспекты этой проблематики до сих пор не получили в литературе должного освещения. Это касается прежде всего проблемы социального состава обучающихся в школах Византии. Еще не делалось попыток систематического анализа всей совокупности данных источников, в которых идет речь о социальном происхождении школьников и студентов учебных заведений Византии.

¹ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

² Fuchs F. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter // BA. Leipzig; B., 1926. Н. 8.

³ Hussey J. M. Church and Learning in the Byzantine Empire. 867—1185. Oxford; L., 1937.

⁴ Hunger H. Byzantinische Geisteswelt von Konstantin dem Großen bis zum Fall Konstantinopels. Baden-Baden, 1958.

⁵ Brownling R. Byzantinische Schulen und Schulmeister // Das Altertum. 1963. Bd. 9, Н. 2. S. 105—118; *Idem*. Byzantine Scholarship // Past and Present: A Journal of historical Studies. 1964. July. N 28. P. 3—20. (Далее: PP).

⁶ Lemerle P. Byzance et la tradition des lettres helléniques // Académie serbe des sciences et des arts. Conférences II: Classe des sciences sociales. Beograd, 1962. N 2. P. 1—12; *Idem*. Elèves et professeurs à Constantinople au Xe siècle. P., 1969. P. 3—14; *Idem*. Le premier humanisme byzantin: Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. P., 1971; *Idem*. «Le gouvernement des philosophes»: Notes et remarques sur l'enseignement, les écoles, la culture // Cinq études sur le XIe siècle Byzantin. P., 1977. P. 195—248.

⁷ Каждан А. П. Византийская культура: (X—XII вв.). М., 1968; *Он же*. Книга и писатель в Византии. М., 1973. С. 43—81.

⁸ Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. М., 1974. С. 139—154.

⁹ Moffatt A. Schooling in the Iconoclast Centuries // Iconoclasm: Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham / Ed. A. Bryer and J. Herrin. University of Birmingham, 1977. P. 85—92.

¹⁰ Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество: К истории византийского предгуманизма. М., 1978.

¹¹ Wilson N. G. Scholars of Byzantium. Baltimore, Maryland, 1983.

Чаще всего исследователи ограничивались констатацией возможности получения образования представителями всех слоев византийского общества, если, конечно, они имели средства оплатить труд учителя. Историки-византинисты в той или иной степени солидаризировались с высказанным в начале века мнением Дж. Бьюри, считавшего, что в Византийской империи «каждый мальчик и каждая девочка, родители которых могли себе позволить платить, были образованны»¹².

Наличие широкого слоя грамотных и читающих людей в византийском государстве признавал и А. П. Рудаков, пришедший к такому заключению в результате рассмотрения агиографического материала. По его словам, «народное образование в Византии стояло на поразительной высоте». Он показал, что большинство героев житийной литературы — как мужчины, так и женщины — умели читать и писать, их, как правило, отдавали учиться либо в городскую, либо в сельскую школу. При этом А. П. Рудаков отмечал, что получали образование дети не только богатых и знатных родителей, но и простых и бедных людей. Он особо выделял грамотность средних слоев населения империи, полагая, что она была всеобщей¹³.

Ф. Фукс, изучая историю высших учебных заведений Византии, попутно коснулся и вопроса о социальном происхождении студентов основанной Константином IX Мономахом (1042—1055) школы права и указал, что они принадлежали к различным общественным слоям, не конкретизируя высказанного замечания¹⁴.

Не выясняет социальный статус обучающихся и Дж. М. Хассей. Она просто констатирует широкую распространенность в византийском обществе взгляда на обучение как на важный фактор, полезный и императорам и их подданным, поскольку овладение определенной суммой знаний всегда способствовало достижению успеха в жизни. Одновременно английская исследовательница отмечала более высокий уровень образованности византийцев по сравнению с жителями Западной Европы, которые не были знакомы с произведениями античных авторов, в то время как первые уже читали и изучали их¹⁵.

Дж. Баклер, рассмотрев ряд выбранных случайно примеров из школьной жизни Византии, приходит к общему выводу о том, что образование в империи могли получить представители всех классов населения. Однако свое заключение она не раскрывает и не указывает, кто же именно мог учиться и посещать школы в византийском государстве¹⁶.

Большой интерес представляют работы Р. Браунинга, посвященные огромному спектру проблем школьного образования в Византии. Отмечая широкое распространение грамотности в византийском государстве, характеризует стремление его жителей к приобретению знаний, почтительное отношение к наукам и людям, овладевшим ими, Р. Браунинг констатирует доступность образования всем классам византийского общества. Он утверждает, что в каждой провинции мальчики, а иногда и девочки посещали сельские школы, где их учили читать и писать. Дальнейшее обучение они, по его словам, могли продолжить в больших городах, а высшее образование получить только в столице. Опираясь на сообщения, заимствованные из самых разнообразных источников, в которых говорится о людях, принадлежащих к различным социальным группам и достигших благодаря своим знаниям высокого положения, он доказывает, что высшее образование не было ограничено тонким профессиональным слоем, а было доступно как светским, так и духовным лицам. Однако, несмотря на

¹² Bury J. B. A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basil I. L., 1912.

¹³ Рудаков А. П. Указ. соч. С. 38, 98—99, 203—205, 216.

¹⁴ Fuchs F. Op. cit. S. 25—26.

¹⁵ Hussey J. M. Op. cit. P. 16, 21—24, 107.

¹⁶ Buckler G. Byzantine Education // Byzantium: An Introduction to East Roman Civilization / Ed. N. H. Baynes and H. St. L. B. Moss. Oxford, 1948. P. 200, 207.

обилие приводимых примеров, Р. Браунинг не дает четкой классификации социального происхождения византийских учеников¹⁷.

Значительный вклад в изучение школьного образования в Византии в VII—XII вв. внесли работы П. Лемерля. В них наряду с исследованием общих вопросов истории культуры, идеологии и науки много внимания уделено рассмотрению структуры, системы и программы обучения, определению уровня образованности жителей империи, характеристике существовавших в столице школ, корпуса учителей, преподававших в них, и учеников, посещавших их. Анализ всей совокупности данных источников позволил ему подтвердить мнение, высказанное его предшественниками, о наличии во всех регионах империи начальных школ, открытых для всех, кто желал приобрести навыки чтения и письма. Одноуровневно он убедительно доказал правильность предположения о функционировании средних и высших учебных заведений только в Константинополе. Скрупулезное изучение писем анонимного профессора X в. позволило ему произвести подсчет примерного числа обучающихся в них. По его словам, их было довольно мало, всего около 300 человек в год. П. Лемерль остановился и на выяснении целей, которые преследовали родители, отправляя своих сыновей в школы. Он считал, что они старались дать детям образование в надежде обеспечить им прочное положение в обществе, помочь удержаться там, получить высокие посты и должности в церковной и гражданской администрации и добиться успехов в жизни.

Одним из первых П. Лемерль вскрыл социальное предназначение среднего образования, определил социальный состав и происхождение учеников средних школ. Именно он впервые пришел к аргументированному выводу о принадлежности воспитанников анонимного профессора X в. к двум группировкам господствующего класса византийского общества: гражданской и церковной элите, стремившейся сохранить за своими семьями высокие чины и должности в государственном аппарате. Вслед за Ф. Фуксом он отстаивал точку зрения о возможности обучения в школе номофилака представителей всех социальных слоев Византии, всех, кто мог, хотел и стремился получить образование¹⁸.

По существу тех же взглядов на социальное происхождение обучающихся в византийских учебных заведениях придерживается и А. П. Каждан. Правда, он внес в них ряд уточнений. Так же, как и П. Лемерль, А. П. Каждан признает широкое распространение грамотности в византийском обществе. Он указывает, что навыками чтения и письма владели даже выходцы из семей ремесленников и земледельцев. Одновременно А. П. Каждан предостерегает от абсолютизации этих данных источников, в которых идет речь об образованности подданных василевса, призывает критически относиться к ним, ибо они могли быть навеяны литературными стереотипами. Вслед за П. Лемерлем А. П. Каждан отмечает классово-ограниченный характер средней школы, которую посещали в основном дети чиновников, духовных лиц, провинциальных землевладельцев, купцов, утилитарность целей получения образования, которое, по словам самих византийцев, являлось источником богатства и должностной карьеры. По мнению А. П. Каждана, именно из выпускников средних школ набирались кадры центральной и провинциальной администрации, именно из них формировалась служилая знать. Образовательный ценз А. П. Каждан считает мощным социальным фактором в процессе складывания слу-

¹⁷ *Browning R.* The Correspondence of a tenth-century Byzantine scholar // *Byz.* 1956. Т. XXIV. P. 397—440; *Idem.* Byzantinische Schulen. S. 105—118; *Idem.* The Patriarchal School at Constantinople in the twelfth Century // *Byz.* 1962. Т. 32. P. 167—202; 1963; Т. 33. P. 11—40; *Idem.* Byzantine Scholarship. P. 3—20; *Idem.* Enlightenment and Repression in Byzantium in the eleventh and twelfth Centuries // *PP.* 1975. N 69, November. P. 3—23; *Idem.* Courants intellectuels et organisation scolaire à Byzance au XIe siècle // *TM.* 1976. Т. 6. P. 219—222.

¹⁸ *Lemerle P.* Byzance. . . P. 1—12; *Idem.* Élèves. . . P. 3—14; *Idem.* Le premier humanisme. . . P. 94—108, 128—204, 242—266; *Idem.* «Le gouvernement des philosophes». . . P. 195—248.

жилой знати, которая хотя и не была наследственной по закону, но фактически передавала по наследству свои привилегии и должности¹⁹.

Более четкую социальную характеристику состава учеников школ Византии дает в своих работах Г. Г. Литаврин, соблюдая при этом известную осторожность. Присоединяясь к мнению своих предшественников о довольно широком распространении грамотности в византийском государстве и даже среди простого населения (особенно — городского), он считает правильным говорить лишь об относительном характере этого явления. Г. Г. Литаврин вскрывает трудности, с которыми сталкиваются бедняки, стремящиеся научиться читать и писать. Проанализировав данные источников, он приходит к заключению о невозможности получения даже начального образования для большинства народа, не говоря уже о высшем, которое, как правило, было уделом выходцев из богатых и знатных семей. Им было доказано, что в Византии существовал широкий слой людей умственного труда: чиновников государственных и церковных учреждений и представителей свободных профессий, которые обладали весьма богатым запасом знаний и которые принадлежали в своей значительной части к господствующему классу. При этом он особо подчеркивает, что широту и разносторонность их кругозора ни в коем случае нельзя сравнивать с интересами и запросами «забитого крестьянина, задавленного нуждой ремесленника, невежественного монаха, продающего свою кровь война», уровень образованности которых чаще всего зависел от практических расчетов. Отсюда Г. Г. Литаврин делает вывод, что главная цель воспитательного процесса состояла в приобретении практических навыков борьбы за существование, которые помогали бы в будущем не только сохранить социальный статус и имущество, унаследованные от родителей, но и добиться большого успеха в жизни. Образование, получаемое бедняками, он рассматривает как средство избавления их от нищеты и обеспечения сносных условий существования²⁰.

Австралийская исследовательница А. Моффэт в своей статье о состоянии школьного образования в иконоборческий период останавливается прежде всего на характеристике структуры, системы, программы и уровня знаний героев житийной литературы, которую она использует в качестве главного источника. На основании тщательного изучения около 30 агиографических памятников она приходит к выводу о доступности первоначального образования широким слоям населения империи и об ограниченном числе учащихся, посещающих средние и высшие школы, повторяя числовые выкладки П. Лемерля. Подробно анализируя предметы, которые преподавались в учебных заведениях Византии в VIII—IX вв., А. Моффэт не останавливается на характеристике социального статуса тех лиц, биографии которых она привлекает для своего исследования²¹.

Как видим, ученые единодушны в определении социального статуса обучавшихся в византийских учебных заведениях, весьма суммарно характеризуя его. Они признают, что образование было доступно всем слоям населения империи. Более конкретно они говорят лишь о принадлежности к двум группировкам господствующего класса учеников средних школ, важного звена в системе обучения и подготовки кадров гражданской и церковной администрации.

Это объясняется прежде всего состоянием источников по рассматриваемой проблематике. В них очень редко встречаются сведения о школах и учениках, их социальном происхождении. Еще К. Крумбахер в своей «Истории византийской литературы» жаловался на скудость известий византийских писателей о конкретных школьных делах и на недостаточное

¹⁹ Каждан А. П. Византийская культура. . . С. 201; *Он же*. Книга. . . С. 43—50; *Он же*. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. С. 242—245.

²⁰ Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI века / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 61—62; *Он же*. Как жили византийцы. . . С. 23, 81, 139—154.

²¹ *Moffatt A. Op. cit.* P. 85—92.

внимание их к ним²². Действительно, в нашем распоряжении имеются лишь фрагментарные данные, извлекаемые из сочинений самого разнообразного содержания, прежде всего исторических и риторических произведений, памятников агиографии и эпистографии, о прохождении курса наук тем или иным жителем Византийской империи. Однако и в перечисленных трудах упоминания об учениках случайны и спорадичны. Лишь иногда можно найти свидетельства о них, хотя система образования и воспитания характеризуется довольно подробно. Так, Кекавмен посвящает этому целые разделы²³, но в то же время нигде не говорит о социальном статусе обучающихся. Законодательные памятники, деловые документы и научные трактаты редко уделяют внимание указанному вопросу.

Основным источником наших знаний о социальном положении учеников являются жития святых, в которых агиографы, как правило, рассказывают о ранних годах жизни своих героев и сообщают об их воспитании, родителях и происхождении. Довольно богатый материал помещен в риторических и эпистографических памятниках. Михаил Пселл в энкомиях, монодиях и эпитафиях, посвященных виднейшим деятелям Византии, своим современникам, останавливается и на их социальном положении²⁴. Особенно ценные свидетельства находятся в его корреспонденции²⁵ и корреспонденции анонимного профессора X в., письма которого были обнаружены в кодексе XI в., хранящемся в Британском музее, и опубликованы в 50-х годах нашего столетия²⁶. В посланиях довольно часто указывается и социальное происхождение адресата. Однако эти сведения чрезвычайно скупые и не дают возможности составить ясного представления о социальном составе обучающихся в учебных заведениях Византии.

Неполнота информации об учениках является следствием не только скудости данных, но и результатом того, что не все произведения, в которых могут быть помещены сведения о школьниках, изданы: материал о них распылен по самым разнообразным памятникам письменности, собрать и проанализировать которые не под силу одному человеку. Кроме того, мы располагаем сообщениями в основном о школярах Константинополя и очень небольшим числом фактов об учениках провинциальных школ, ибо источники, доступные нам, как правило, принадлежат перу жителей столицы, а не провинциальных городов, где также, по всей вероятности, существовали учебные центры. Следует иметь в виду и то, что до нас дошли свидетельства лишь о наиболее знаменитых деятелях Византии, а о множестве безвестных мальчиков и девочек мы ничего не знаем.

Учитывая сказанное, мы в настоящей статье попытаемся выяснить социальное происхождение учеников, показать, из какой среды они вышли, кто были их родители и какие школы они кончали.

Трудность разрешения поставленной задачи заключается не только в скудости сведений об учениках и школах Византии, но и в характере этих сообщений. Их авторы, рассказывая о происхождении своих героев, чаще всего используют общие слова, весьма неопределенно и расплывчато говорят об их социальном статусе, отмечая лишь их знатность, родовитость, благородство, богатство и благочестие. Тем не менее и на основа-

²² *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 591.*

²³ *Советы и рассказы Кекавмена. С. 98—99, 132—133, 154—157, 210—213, 240—241, 272—273, 349, 478—480, 482, 565—566.*

²⁴ *MB. IV. P. 303—462; V. P. 3—61, 161—196, 87—105, 142—167, 222—224; Michaelis Pselli scripta minora magna partem adhuc inedita / Ed. E. Kurtz, F. Drexler. Milano, 1936. Vol. I. P. 33—44, 50—53, 94—107, 145—189, 206—219, 335—342; Gauttier P. Monodie inédite de Michel Psellos sur le basileus Andronic Doucas // REB. 1966. T. XXIV. P. 165—170; Weiss G. Forschungen zu den noch nicht edierten Schriften des Michel Psellos // BYSANTINA. 1972. T. 4. P. 21—22, 34—35; Idem Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. München, 1973. S. 259—283.*

²⁵ *Michaelis Pselli scripta minora. . . Milano, 1936—1941. T. I—II.*

²⁶ *Laourdas B. 'H συλλογή ἐπιστολῶν τοῦ κώδικος BM Add 36749 // 'Αθηνᾶ, 1954. T. 58. P. 176—198; Browning R. The Correspondence. . . P. 397—452; Browning R., Laourdas B. Τὸ κείμενον τῶν ἐπιστολῶν τοῦ κώδικος BM 36749 // ΕΒΒΣ. 1957. T. 27. Σ. 151—212.*

нии подобных данных можно выделить несколько социальных групп, к которым по рождению принадлежали учащиеся в византийском обществе.

Это прежде всего дети правящих василевсов, которым родители (хотя некоторые из них были неграмотными) старались дать надлежащее образование. В качестве наставников, как правило, приглашали наиболее выдающихся ученых своего времени. Занимаясь с ними, царственные воспитанники приобретали разносторонние познания.

Известно, что воспитателем своего сына Феофила Михаил II Травл (820—829) сделал Иоанна Грамматика, ученейшего, по словам Продолжателя Феофана, человека, увлекавшегося чтением эллинской литературы, обширные знания которого поражали современников²⁷. Феофил овладел греческим и латинским языками; изучал астрономию, естественную историю, богословие; занимался рисованием и копированием манускриптов²⁸.

Не менее образованными были и сыновья Василия I (867—886) — Константин, Лев, Александр, Стефан, — наставником которых был Фотий, один из величайших умов своего времени²⁹. Разносторонние познания были приобретены и Константином VII Багрянородным (912—959). Он много читал, в его распоряжении находилась богатая библиотека дворца, которую он пополнял покупкой рукописей³⁰. Дочери Константина VIII (1025—1028) Евдокия, Зоя и Феодора «получили царское воспитание и образование». Их обучали специально приглашенные преподаватели³¹. Разносторонней образованностью, знанием грамматики, риторики, философии, математических наук, физики отличался Михаил VII Дука (1071—1078), с которым по приглашению его отца Константина X Дуки (1059—1067) занимался Михаил Пселл, один из самых знаменитых византийских ученых³². Третий сын Константина X Дуки Андроник, как и его брат Михаил VII, был учеником Михаила Пселла, отмечавшего особый интерес, который якобы проявлял его воспитанник к философии и геометрии. До нас сохранились использованные для его обучения краткий трактат по геометрии, написанный Михаилом Пселлом, и две работы по философии, подготовленные Иоанном Италом³³. Юного сына Михаила VII Константина Дуку обучал архиепископ Феофилакт Болгарский, «учитель риторов», прекрасно знавший как светские науки, так и богословие³⁴.

Старшая дочь Алексея I Комнина (1081—1118) Анна восхищала современников своей образованностью. Ее называли «тринадцатой музой».

²⁷ *Theoph. Cont.* P. 154.

²⁸ *Ibid.* P. 102; *Cedren.* II. P. 527, 536; *Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891. С. 24; *Липшиц Е. Э.* Очерки истории византийского общества и культуры: VIII—первая половина IX века. М.; Л., 1961. С. 210, 299; *Buckler G.* Op. cit. P. 208; *Ahrweiler H.* Sur la carrière de Photius avant son patriarchat // *BZ.* 1965. Bd. 58. H. 2. P. 353.

²⁹ *Theoph. Cont.* P. 276—277; *PG.* 106. Col. 509; *Лебедев А. П.* Очерки внутренней истории византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках. М., 1902. С. 28, 47, 50, 152, 182—183; *Fuchs F.* Op. cit. S. 20; *Hussey J. M.* Op. cit. P. 16, 24; *Lemerle P.* Le premier humanisme . . . P. 200, 206—207.

³⁰ *Theoph. Cont.* P. 446; *Cedren.* II. P. 326; *Лебедев А. П.* Указ. соч. С. 153—154, 156, 161—162; *Hussey J. M.* Op. cit. P. 24; *Lemerle P.* Le premier humanisme. . . P. 268—288, 295—297.

³¹ *Mich. Ps.* I. P. 27; *Михаил Пселл.* Хронография / Пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 19; *Скабаланович Н.* Византийская наука и школы в XI в. // *Христианское чтение.* 1884. Ч. 1, № 5—6. С. 737—738.

³² *Mich. Ps.* II. P. 174—175; *Idem.* Scripta minora. . . I. P. 33—37; *Zonar.* II. P. 708, 714; *Михаил Пселл.* Хронография. С. 190; *Скабаланович Н.* Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884. С. 93, 98, 110; *Он же.* Византийская наука. . . С. 366—367; *Fuchs F.* Op. cit. S. 33, 40; *Советы и рассказы Кекавмена.* . . С. 556; *Литаврин Г. Г.* Как жили византийцы. . . С. 146; *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл. . . С. 112—117, 148, 166—167.

³³ *Mich. Ps.* II. P. 179—180; *Михаил Пселл.* Хронография. 193; *Ioannis Itali.* Opuscula selecta / Ed. G. Sereteli. Tiflis, 1942. P. 1—31; *Gautier P.* Monodie inédite. . . P. 153—170; *Polemis D. I.* The Doukai: A Contribution to Byzantine Prosopography. L., 1968. P. 46—48; *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл. . . С. 34, 255.

³⁴ *PG.* 126. Col. 257; *Georges et Démétrios Tornikès.* Lettres et discours. P., 1970. P. 251; *Fuchs F.* Op. cit. S. 40; *Buckler G.* Op. cit. P. 200, 210; *Каждан А. П.* Социальный состав. . . С. 49—50.

«обиталищем харит»³⁵, говорили о ее увлечении науками и философией³⁶. В своем историческом труде она писала, что прилежно занималась грамматикой, риторикой, философией, арифметикой, геометрией, музыкой и астрономией³⁷. Наряду с этим она штудировала античных писателей, прекрасно знала древнегреческих ораторов и историков, цитировала Гомера, трагиков и других классических авторов, интересовалась медициной и богословием³⁸. Внук Алексея I Комнина, Мануил I (1143—1180) проявлял большой интерес к знанию, особенно к теологии и астрологии. Он считал себя авторитетом в области догматики, нередко предлагал столичным ученым и духовным лицам для обсуждения различные богословские вопросы, высказывая собственное мнение по этим предметам³⁹. Двоюродный брат Мануила I, Андроник I Комнин (1183—1185), выросший, по словам Никиты Хониата, у подножия трона, получил надлежащее образование. Он с большим уважением относился к знанию и ученым, которых стремился собрать вокруг себя в своем дворце, оказывал им величайшие почести и награждал их всяческими подарками⁴⁰.

Вторую группу учеников образуют дети и родственники представителей гражданской знати. Это в основном сыновья и племянники знатных сановников, синклитиков, чиновников императорской канцелярии, центральной и провинциальной администрации, судебного и фискального ведомств.

Сыновьями патрикиев были уроженцы столицы константинопольские патриархи Герман I (715—730)⁴¹ и Тарасий (784—806)⁴², происходившие из семей, принадлежащих к имперской знати. Оба занимались с частными учителями и приобрели солидные познания в светских науках.

К знатной константинопольской семье Морохарзамиев, по словам Продолжателя Феофана, принадлежал патриарх Иоанн VII Грамматик (837—843)⁴³. Правда, Псевдо-Симеон и Scriptor incertus отрицают знатность его рода и говорят об анатолийском происхождении⁴⁴. Однако обширные познания его, поражавшие современников, свидетельствуют о блестящем образовании, полученном им, и заставляют сомневаться в достоверности данных двух последних писателей.

Сыном богатого и знатного чиновника, занимавшего высокую должность в администрации Константинополя и выполнявшего обязанности казначея императорских доходов, был Феодор Студит⁴⁵.

³⁵ Пападимитриу С. Феодор Продром, историко-литературное исследование. Одесса, 1905. С. 119—120.

³⁶ Nic. Chon. P. 15.

³⁷ Анн. Сопл. I. P. 3; Анна Комнина. Алексиада / Вступ. ст., пер., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. С. 53.

³⁸ Анн. Сопл. III. P. 218; Анна Комнина. Алексиада. С. 14—15, 18—19, 37, 418—419, 626—629; Каждан А. П. Книга. . . С. 48; Polemis D. I. The Doukai. P. 134—135.

³⁹ Nic. Chon. P. 209—219; Michel Italikos. Lettres et discours. P., 1972. P. 278; Buckler G. Op. cit. P. 208; Каждан А. П. Византийская культура. . . С. 68, 146; Он же. Социальный состав. . . С. 42—43, 48.

⁴⁰ Nic. Chon. P. 229, 331; Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica. Palermo, 1961. P. 36; Georges et Démétrios Tornikès. P. 109; Каждан А. П. Византийская культура. . . С. 72, 178; Он же. Книга. . . С. 94; Он же. Социальный состав. . . С. 47, 50.

⁴¹ Рудаков А. П. Указ. соч. С. 205, 233; Karayannopoulos J. E. Πηγαί τῆς Βυζαντινῆς ιστορίας. Θεσσαλονίκη, 1970. Σ. 178.

⁴² PG. 98. Col. 1386; Лопарев Хр. Византийские жития святых VIII—IX веков // ВВ. 1914. XVII. С. 100; Рудаков А. П. Указ. соч. С. 205, 257; Ahrweiler H. Sur la carrière de Photius. . . P. 350—351; Lemerle P. Le premier humanisme. . . P. 98, 128—129.

⁴³ Theoph. Cont. P. 154; Успенский Ф. И. Очерки. . . С. 24; Липшиц Е. Э. Очерки. . . С. 298; Lemerle P. Le premier humanisme. . . P. 135—136.

⁴⁴ Scriptor incertus. P. 349, 359; Pseudo-Symeon. P. 606; Успенский Ф. И. Очерки. . . С. 61—62.

⁴⁵ PG. 99. Col. 113—117, 236; Latyschev B. Vita S. Theodori Studitae in codice Mosquensi musei Rumianzoviani N 520 // ВВ. 1914. Т. 21. С. 255—257; Лопарев Хр. Указ. соч. С. 162—163; Рудаков А. П. Указ. соч. С. 99, 260; Dvořník F. Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Pr., 1933. P. 27—28; Beck H. G. Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959. S. 491; Karayannopoulos J. E. Op. cit. P. 197—199; Lemerle P. Le premier humanisme. . . P. 99, 123.

Патриарх Никифор (около 758—829) также принадлежал к знатной константинопольской семье, его отец Феодор был императорским секретарем в правление Константина V Копронима (741—775)⁴⁶.

Знатными и богатыми были родители уроженцев Константинополя: патриарха Фотия (858—867, 877—886), отец которого был братом патриарха Тарасия⁴⁷, и Симеона Метафраста (X в.)⁴⁸.

К гражданской аристократии империи принадлежали Симеон Новый Богослов (вторая половина X—начало XI в.)⁴⁹, его ученик Никита Стифат (XI в.)⁵⁰, а также рано умерший ученик Михаила Пселла Иоанн, патрикий, которого Скилица называет мужем славным и знаменитым своей образованностью⁵¹. Два его дяди были сенаторами высокого ранга⁵².

Представителем столичной знати синклитиков был Иоанн Зонара (XII в.), один из значительных литераторов своего времени⁵³.

Из семей гражданской знати вышли патриархи Михаил I Кируларий (1043—1058)⁵⁴ и Константин III Лихуд (1059—1063)⁵⁵, анонимный автор жития Афанасия Афонского⁵⁶, воспитанники Михаила Пселла (сын его бывшего ученика вестарха и протасикрита Аристина⁵⁷, племянники Михаила Кирулария — Константин и Никифор⁵⁸), Иоанна Итала (Серв-

⁴⁶ *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica. Accedit Ignatii diaconi Vita Nicephori* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880. P. 142; *Лонрев Хр.* Указ. соч. С. 110; *Da Costa-Louillet G. Saints de Constantinople aux VIIIe, IXe et Xe siècles // Byz. 1955. Vol. XXIV. P. 246; Alexander P. J. The Patriarch Nicephorus of Constantinople: Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958. P. 54—55; Karayannopoulos J. E. Op. cit. P. 199—200; Lemerle P. Le premier humanisme. . . P. 99, 129—130; Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: (Тексты, перевод, комментарий). М., 1980. С. 145.*

⁴⁷ PG. 98. Col. 1386; 105, Col. 509; *Browning R. Byzantine Scholarship. . . P. 8—9; Ahrweiler H. Sur la carrière de Photius. . . P. 350—351; Lemerle P. Le premier humanisme. . . P. 181—182, 202—203; Wilson N. G. Op. cit. P. 89.*

⁴⁸ *Mich. Ps. Scripta minora. I. P. 94—107; Васильевский В. Г. О жизни и трудах Симеона Метафраста // ЖМНП. 1880. Ч. 212. С. 379—437; Eustratiades S. Ὁ χρῆσιμος τῆς ἀρχῆς Συμῶν τοῦ Μεταφράστου // ЕВВ. 1933. Т. 10. Σ. 26—38; Tomadakes N. B. Εἰς Συμῶνα τὸν Μεταφράστην // ЕВВ. 1953. Т. 23. Σ. 113—138.*

⁴⁹ *Hausherr I., Horn G. Un grand mystique byzantin: Vie de Syméon le Nouveau Théologien (949—1022) par Nicétas Stéphanos // OCh. Roma, 1928. Т. 12, N 45. P. 2; Скабаланович Н. Византийское государство. . . С. 438—439; Каждый А. П. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. // BS. 1967. 28. С. 18—37; Он же. Социальный состав. . . С. 52; Советы и рассказы Кекавмена. . . С. 45; *Browning R. Enlightenment. . . P. 7; Beck H. G. Symeon der Theologe // BZ. 1953. Bd. 46; Karayannopoulos J. E. Op. cit. P. 267.**

⁵⁰ *Скабаланович Н. Византийская наука. . . С. 733; Каждый А. П. Социальный состав. . . С. 138, 164, 178, 206; Karayannopoulos J. E. Op. cit. P. 280—281.*

⁵¹ *Scyl. P. 320.*

⁵² *Mich. Ps. Scripta minora. I. P. 145—154; Fuchs F. Op. cit. S. 33; Каждый А. П. Социальный состав. . . С. 38; Любарский Я. Н. Михаил Пселл. . . С. 258; Lemerle P. «Le gouvernement des philosophes. . .». P. 219—220.*

⁵³ *Tinnefeld F. H. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie. München, 1971. S. 144; Каждый А. П. Социальный состав. . . С. 135, 178, 206; Он же. Социальные воззрения Михаила Атталиата // ЗРВИ. 1976. Т. XVII. С. 30, 33, 51—52.*

⁵⁴ *МВ. IV. P. 310—312; V. P. 507; Скабаланович Н. Византийская наука. . . С. 746—747; Он же. Византийское государство. . . С. 385; Каждый А. П. Социальный состав. . . С. 54, 106, 109, 136, 184, 200; Любарский Я. Н. Михаил Пселл. С. 79—90.*

⁵⁵ *Mich. Ps. II. P. 58; Михаил Пселл. Хронография. С. 123; Скабаланович Н. Византийское государство. . . С. 390—392; Hussey J. M. Op. cit. P. 48—50; Каждый А. П. Социальный состав. . . С. 177—178, 190, 198, 206; Lemerle P. «Le gouvernement des philosophes». . . P. 203.*

⁵⁶ *Lemerle P. Elèves. . . P. 41.*

⁵⁷ *Любарский Я. Н. Михаил Пселл. . . С. 61, 146.*

⁵⁸ *Аттал. P. 57; МВ. IV. P. 351—353; Скабаланович Н. Византийская наука. . . С. 736, 744; Он же. Византийское государство. . . С. 385; Каждый А. П. Социальный состав. . . С. 136, 184; Он же. Социальные воззрения. . . С. 23; Любарский Я. Н. Михаил Пселл. . . С. 62—63, 65.*

лий⁵⁹, Иоанн Соломон⁶⁰), Феофилакты Болгарского (Феодор Каматир⁶¹), выпускник Патриаршей Академии, сын придворного чиновника Иоанн Месарит (1161/1162—1207)⁶², канонист, правовед Алексей Аристин (XII в.)⁶³ и многие другие.

Число учащихся — выходцев из среды гражданской знати довольно велико, поэтому совершенно нет возможности перечислять их всех здесь. Это самая многочисленная группа.

Образовательный уровень ее представителей весьма высокий. Они, как правило, превосходили своих современников по объему своих знаний и эрудиции. Из этой социальной прослойки вышел ряд крупных писателей, правоведов, врачей, учителей, философов⁶⁴. Именно благодаря им до нас дошло множество сведений о воспитании и образовании данной категории учащихся. Их труды по разным отраслям знаний свидетельствуют о блестящем образовании.

Вышедшие из среды гражданской аристократии патриархи Иоанн Грамматик, Тарасий, Никифор, Фотий, Михаил Кируларий были чрезвычайно эрудированными людьми. Обширными познаниями по философии и риторике обладали происходящие из знатных константинопольских семей Феодор Студит, великий логофет Симеон Метафраст, Константин и Никифор Кируларии, Иоанн Месарит.

Афанасий Афонский, Иоанн Зонара, Николай Месарит и многие другие прошли полный курс обучения и добились больших успехов на литературном и научном поприще.

(Окончание следует)

⁵⁹ *Ап. Сотп.* II. P. 37; *Анна Комнина*. Алексиада. С. 174, 512—513; *Советы и рассказы Кекавмена*. . . С. 376—377; *Каждан А. П.* Социальный состав. . . С. 135, 178, 206.

⁶⁰ *Ап. Сотп.* II. P. 37; III. P. 69—70; *Анна Комнина*. Алексиада. С. 174, 330, 512; *Каждан А. П.* Социальный состав. . . С. 63, 110, 137, 178, 203, 206.

⁶¹ *Соколов И.* О народных школах в Византии с половины IX до половины XV века // *Церковные ведомости*. 1897. № 8. С. 277, 279; *Анна Комнина*. Алексиада. С. 550; *Каждан А. П.* Социальный состав. . . С. 135, 137, 177, 198, 200, 203.

⁶² *Grownig R.* The Patriarchal School. . . P. 11—12; *Каждан А. П.* Социальный состав. . . С. 136, 178, 211.

⁶³ PG. 133. Col. 1243, 1273; *Treu M.* Ein Byzantinisches Schulgespräch // *BZ*. 1893. II. S. 101; *Garzya A.* Encomio inedita di Niceforo Basilace per Alessio Aristeno // *BF*. 1966. Bd. 1. S. 100; *Каждан А. П.* Социальный состав. . . С. 136, 178.

⁶⁴ *Каждан А. П.* Социальный состав. . . С. 206.